

The background of the poster is a massive, ancient tree with thick, gnarled roots and branches. A bright, golden light flows down the central trunk of the tree, illuminating the scene. At the base of the tree, there is an ornate, wrought-iron gate. Three people are standing in front of the gate: a man in a dark coat on the left, a woman in a long, light blue dress in the center, and a man in a dark coat holding a glowing torch on the right. The overall atmosphere is mysterious and dramatic.

Владимир Кожевников

Проклятие Фамильного Древа

Владимир Кожевников

Проклятие Фамильного Древа

<https://litres.ru/74372852>

SelfPub; 2026

Аннотация

В поместье Дре-Морте, что веками питается жизненной силой рода, угасает древняя некромантская династия. Патриарх Габриэль находит на пепелище девочку-эмпата Аску и привозит её как живую «батарейку», чтобы продлить агонию Родового Древа. Но в тот же день из изгнания возвращается его брат-близнец Рафаэль — тот, чья магия способна уничтожить и Древо, и последнюю надежду.

Аска вырастет, и её дар начинает зеркалить чувства обоих братьев, обнажая пугающую тайну: истинное проклятие рода — не в магии, а в запретной любви, что тлеет между ними веками. Чтобы спасти Древо, троим придётся решиться на алхимический брак — слияние душ и сил, где девушка станет сердцем нового триумvirата. Но за воротами уже дышит Империя Прогресса, готовая выжечь магию дотла. Мрачная готическая драма о запретных чувствах, искуплении и любви, способной переписать родовое проклятие.

Содержание

Глава 1. Пепел и корни	4
Глава 2. Кровь и пепел братства	7
Глава 3. Зеркала Западной башни	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Владимир Кожевников

Проклятие Фамильного Древа

Глава 1. Пепел и корни

Поместье Дре-Морте умирало уже третье столетие, и каждый камень в его стенах помнил горький привкус увядания. Габриэль стоял на смотровой галерее, обвитой иссохшими плетями вечноцвета, и глядел, как скелетные ветви Родового Древа скребут низкое осеннее небо. Исполинский кедр, чьи корни удерживали особняк, словно ладонь великана, источал запах тлена — приторно-сладкий, с металлическим оттенком, напоминавшим старую кровь.

В зеркалах Габриэлю мерещился старик, хотя ему исполнилось лишь сорок пять. Некромантия рода Ас-Шейд пожирала не только отпущенные годы, но и саму способность чувствовать. Наследники мертвы: сын сгорел от костяной лихорадки, дочь добровольно заточила себя в фамильном склепе, не выдержав связи с Древом. Ресурс — тайный фотосинтез дарований, питавший семью, — иссякал. Ещё полгода — и Дре-Морте окаменеет, а сам Габриэль станет бесплотным мороком, привязанным к руинам.

Империя Прогресса, лечившая магию электричеством, безжалостно выжигала очаги иномирья. На дымящемся пепелище подпольной лаборатории, среди разорванных медных кабелей и оплавленных стеклянных реторт, Габриэль увидел её. Девочка лет тринадцати, босая, в прожжённой больничной сорочке, стояла по щиколотку в золе и плакала без единого звука. Слезы катились по бесстрастному лицу — эмпатическая блокада, выдававшая себя неестественной неподвижностью мимических мышц. В родовом зрении некроманта её аура мерцала перламутровым теплом, живой конденсатор эмоций.

Габриэль ощутил болезненный укол — нечто среднее между жалостью и профессиональным азартом. Девочка не шарахнулась, не закричала. Она подняла серые, как остывший пепел, глаза, и он понял: она чувствует его внутреннюю пустоту. Тянется к ней слепо, словно росток к влаге. Под босыми ступнями хрустели угли, пахло палёным волосом и озоном.

— Тебе нельзя здесь оставаться, — произнёс он глуше, чем намеревался. — У меня есть дом. Там безопасно.

Она не ответила, но шагнула к нему сама, оставляя в пепеле цепочку маленьких следов. Габриэль укутал её в свой дорожный плащ и увёз на грохочущем паромобиле по разбитым трактам. Имя Аска — «искра» — пришло само, когда он заметил, как её пальцы вздрагивают, касаясь медной обшивки кабины, впитывая остаточное тепло.

В поместье их встретила гулкая тишина. Костяные големы безмолвно распахнули ворота. Аску поселили в Западной башне, в комнате с витражным окном, выходявшим прямо на ствол Древа. Вечером Габриэль провёл ритуал привязки: серебряной иглой начертал на её левом запястье руны Корня-и-Сердца, вплетая эмпатическое поле девочки в корневую сеть. Дерево вздрогнуло; по морщинистой коре от корней до кроны пробежала золотистая жилка, и на миг Габриэлю показалось, что Аска беззвучно пошевелила губами, словно повторяя шёпот Древа. Отсрочка — месяц, возможно, два.

Когда закат залил шпили Дре-Морте киноварью, у ворот запел бронзовый колокол. Габриэль спустился сам, чувствуя, как колотится сердце: Дерево предупреждало о разрушительной силе. За кованой решёткой стоял путник в плаще цвета дорожной пыли. Капюшон упал — и патриарх увидел своё лицо, только не постаревшее, а со свежей сеткой белых шрамов у левого виска и диким, пляшущим пламенем в карих глазах. От пришельца тянуло морозной пустотой, и кора Древа закрипела, сжимаясь. В груди Габриэля вспыхнула и тут же погасла ярость, смешанная с необъяснимым облегчением.

— Здравствуй, Габриэль, — сорванный голос Рафаэля ударил, будто пощёчина. — Я почувствовал, что ты привёл новую жертву. Я вернулся.

Глава 2. Кровь и пепел братства

Когда Рафаэль переступил порог, свечи в холле забились в агонии, роняя на чёрный мрамор восковые слёзы. Габриэль стоял напротив, прямой, точно приколоченный к месту невидимыми гвоздями. Тишина между ними звенела перетянутой струной.

— Твои права остались в прошлом, — голос Габриэля ломался, как сухая ветка. — Ты сжёг их, когда выбрал врага.

— Я выбрал свободу, — Рафаэль шагнул вперёд; дубовые плашки под его сапогами пошли чёрными трещинами. — Свободу от твоей любви, Габриэль. Она душила. Дерево не должно питаться украденными душами.

— Оно — наша кровь!

— Кровь уже пролилась. Вспомни Сесиль.

Имя умершей жены полоснуло воздух. Габриэль пересёк разделявшее их расстояние в два удара сердца и сгрёб брата за грудки; лбы почти соприкоснулись, запах гари смешался с арктическим дыханием мха. За колонной Аска, прижимая ладонь к руне, распахнула эмпатию и впустила чужую ненависть. Во рту появился металлический привкус ржавчины, в ушах зазвенело битое стекло. Перед внутренним взором вспыхнул образ: золотоволосая женщина кричит, и по коре кедра стекает алая капля. Аска закусил губу до крови, но, вместо того чтобы рухнуть, шагнула к Древу и прижа-

лась спиной к тёплой, пульсирующей коре. Боль отступила на полтона.

Габриэль и Рафаэль обернулись разом. К их ярости при-
мешалась маслянистая, тёмная ревность. Девочка сползла на
колени, но голову не опустила — тяжело дыша, она пере-
водила взгляд с одного близнеца на другого. Рафаэль опу-
стился рядом, осторожно взял её за подбородок кончиками
пальцев; от его кожи повеяло мятной прохладой, унимаю-
щей тошноту. Аска заглянула в карие глаза и увидела ту же
бездну, что знала в себе, — только вывернутую наружу. Она
несмело коснулась шрама у его виска, и Рафаэль вздрогнул.

Габриэль не двигался, но под языком у него разлилась го-
речь: Дерево отзывалось на его злость, вытягивая из корней
ядовитый сок. Ствол загудел низко, утробно, и этот гул эхом
отдался в руне Аски.

Глава 3. Зеркала Западной башни

Западная башня за пять лет срослась с нервной системой Аски. Гобелены с единорогами, выцветшие до призрачности, впитывали отсветы её снов, а три высоких зеркала с патиной времени научились отражать не только плоть. Габриэль навещал её еженедельно, неукоснительно, словно исполняя обет. Он брал её запястье, проверял биение руны, сухо зачитывал формулу подпитки. Воздух вокруг него сгущался, пропитываясь запахом сухой гвоздики и холодного серебра. Аска знала каждую морщинку на его лице, но за маской долга по-прежнему не могла разглядеть живой души.

Рафаэль приходил без расписания, сквозняком просачиваясь сквозь щели половиц. Он приносил книги в кожаных переплётках, пахнущих ванилью и старыми подвалами, и читал вслух мифы о созвездиях, которые никогда не видны над Дре-Морте. На шестнадцатилетие он вложил ей в ладонь осколок обсидиана: «Смотри внутрь, а не наружу». Аска заметила, что его ладони тёплые, несмотря на смертоносную магию, а смех — отрывистый, будто крик потревоженной птицы.

Дар эмпатии трансформировался. К семнадцати годам Аска перестала быть просто приёмником — она стала отражателем. Однажды Габриэль, разгневанный отмиранием целой ветви кедра, полоснул её взглядом, полным ледяной яро-

сти. Не осознавая, Аска метнула эту ярость обратно, десятикратно усилив, и патриарх отшатнулся, хватаясь за горло. С тех пор он глядел на неё с опасливым почтением. Рафаэль, застав её в слезах над разбитым големом, ощутил, как сердце затапливает нежность, и сбежал, напуганный собственной уязвимостью.

К восемнадцати годам Аска превратилась в девушку с подвижным, точно водная гладь, лицом. Её мимика невольно вторила собеседнику, а цвет глаз плыл от грозовой серости до зелени бутылочного стекла, улавливая доминирующую ауру. Эмпатическое отзеркаливание сплело в ней чувства братьев в тугой узел. Когда Габриэль стоял рядом, по телу разливался жар, но тянулся тот жар не к нему — он искал Рафаэля где-то в древесной плоти кедра. Когда Рафаэль шёпотом пел колыбельные, дрожь пробегала от макушки до пят, устремляясь к ледяному сердцу Габриэля. Дерево тем временем дало несколько новых побегов — тонких, бледных, но живых; Аска слышала их рост во сне.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.